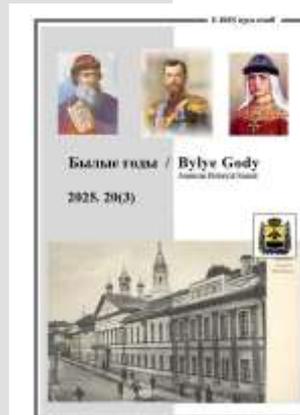

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1164-1174
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1164

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire and Its Influence on Kazakh Society

Arman A. Umarov ^{a,*}, Baurzhan N. Abdrakhmanov ^a, Anara E. Karimova ^a, Ziyat Sh. Aitkenov ^a

^a Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

This study is devoted to the analysis of the confessional policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe at the turn of the 18th–19th centuries, which was an important tool for integrating the local population into the empire-wide environment. The article examines the main directions of the empire's religious policy, including measures to control Islamic institutions, bureaucratization of the Muslim clergy, restriction of the Hajj and regulation of religious education. Particular attention is paid to the interaction of the Russian administration with the Tatar clergy, which played a significant role in the formation of the religious traditions of the Kazakhs, as well as an assessment of the perception of the imperial religious policy in Kazakh society.

The study is based on a wide range of sources, including archival documents, decrees, governors' reports, correspondence with the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, as well as the works of domestic and foreign researchers. The methodological basis of the work is based on historical and comparative analysis, which allows to identify the specifics of confessional policy in the Kazakh steppe in comparison with other Muslim regions of the empire.

The results of the study demonstrate that the policy of the Russian Empire towards Islam was dual in nature. On the one hand, a high level of religious autonomy was maintained, on the other hand, targeted steps were taken to regulate Islamic institutions and integrate them into the administrative system of the empire. The paper presents conclusions about the long-term impact of these processes on the socio-religious structure of Kazakh society, which contributes to further study of the imperial policy towards ethno-confessional groups.

Keywords: confessional policy, missionary work, Islam, Kazakhs, missionary activity, Russian Empire, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Tatar mullahs, mosques, Hajj.

1. Введение

Инкорпорация Казахской степи в состав Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. сопровождалась комплексом административно-правовых реформ, направленных на включение региона в общеимперское пространство. Эти преобразования затронули не только политическую и социально-экономическую сферы, но и религиозные институты, что обусловило необходимость пересмотра традиционных структур власти и духовного управления. Вопросы регулирования конфессиональной политики в национальных окраинах Российской империи остаются важным предметом исторического анализа, позволяя выявить механизмы управления мусульманским населением, оценить степень религиозной автономии и изучить влияние этих процессов на этноконфессиональное развитие казахского общества.

* Corresponding author

E-mail addresses: arman.umarorov77@mail.ru (A.A. Umarov),
abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), akeo73@mail.ru (A.E. Karimova),
ziyat15@mail.ru (Z.Sh. Aitkenov)

Конфессиональная политика являлась одним из инструментов, посредством которого российская администрация стремилась укрепить контроль над степным регионом. Включение казахов в имперское пространство требовало разработки стратегий, учитывающих специфику религиозного сознания и традиционных норм правового регулирования. В данной связи особую роль играли исламские институты, функционировавшие в регионе до момента его интеграции в состав России. Исследование их эволюции в условиях изменяющейся административной среды позволяет реконструировать модель взаимодействия колониальной администрации и местного населения.

Анализ источников свидетельствует, что до вхождения в состав Российской империи ислам в Казахской степи развивался под влиянием Центральной Азии и Поволжья (ПСЗ РИ. 1. Т. 22. № 2993: 160-161). Ю.А. Лысенко отмечает, что религиозные институты кочевого общества не имели чётко установленных форм, характерных для оседлых мусульманских сообществ, что способствовало формированию специфической модели ислама, сочетавшей элементы традиционных верований и исламских норм (Лысенко, 2010: 114). Этот процесс сыграл значительную роль в формировании этноконфессиональной идентичности казахов, что, в свою очередь, повлияло на восприятие религиозной политики империи местным населением.

Вопрос о взаимоотношениях имперской власти и ислама в Казахстане остаётся дискуссионным. С. Акимбеков указывает, что до петровских реформ Российская империя интегрировала мусульманскую элиту присоединённых территорий, сохраняя за ней право управления в соответствии с нормами исламского права. Однако в XIX в. управление Казахской степью стало более централизованным, а имперская администрация стала регулировать религиозные институты, что было частью политики формирования лояльности мусульманского населения. Екатерининские реформы способствовали распространению официальной версии ислама среди казахов, что, по мнению ряда исследователей, рассматривалось как способ повышения управляемости кочевого общества (Акимбеков, 2018: 361).

Помимо административных реформ, значительное влияние на религиозную жизнь казахов оказала деятельность татарских, башкирских миссионеров. Они способствовали распространению исламского образования, формированию религиозных сообществ и укреплению духовных связей казахов с мусульманскими центрами. Однако российские власти рассматривали деятельность татарского духовенства с осторожностью, опасаясь распространения панисламизма и пантюркистских идей. В связи с этим, с середины XIX в. государственная политика в отношении ислама приобрела более регулятивный характер, что проявилось в ограничении деятельности духовных лидеров, контроле за образовательными учреждениями и усилении бюрократического надзора за религиозной жизнью.

Таким образом, изучение конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи представляет собой важное направление исторического анализа. Рассмотрение её механизмов позволяет выявить закономерности трансформации традиционных социальных структур, определить степень адаптации местного населения к имперским административным нормам и оценить влияние этих процессов на дальнейшее развитие религиозных институтов в регионе.

2. Материалы и методы

Исследование базируется на анализе широкого круга исторических источников, включающих архивные документы, нормативно-правовые акты, статистические данные, посвящённые конфессиональной политике Российской империи.

Первую группу источников в данной статье составили архивные документы и материалы. Изучалась информация четырёх архивов: Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), Исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) — один из крупнейших архивных хранилищ России, в котором сосредоточены документы о российской армии за период с конца XVII в. до 1918 г. В данном архиве авторы работали с фондом 1450 «Штаб Омского военного округа, г. Омск», описью 2 «Строевое отделение» и в ней по нашей теме выявили следующее дело — №12 «Киргизской степной комиссии по составлению проекта положения об управлении в киргизских степях и в Туркестанском крае».

В Омске авторы работали в историческом архиве Омской области (ИАОО), который начинает свою историю с января 1920 г., когда было учреждено Омское губернское управление архивным делом и губернский архив. В этом архиве выявили: фонд 3, опись 1, дело №5668 «Об учреждении миссии в г. Петропавловске для обращения в православие киргиз» от 15 мая 1864 по 22 октября 1865 г., и фонд 9, опись 4, дело №736 «По просьбе, находящегося в услугах у майора Старкова, из киргиз крещеного Николая Алексея о избавлении его с семейством от рабства». Данное дело датируется 21 сентября 1828 и продолжалось по 31 октября 1830 г., а также дело №29 «Указы правительствующего Сената (Распубликование высочайше утвержденного положения Сибирского комитета о выдаче поселенцам из ссыльных собственных их денег при начале переселения и о времени, с которого они должны облагаемы быть податями. Наставление воинским приемщикам и

партионным офицерам по предмету приема и препровождения рекрут и евреев и др.)». Крайние даты дела – 19 января – 10 декабря 1828 г.

Российский государственный исторический архив (РГИА) – крупнейший архив в Европе и один из крупнейших в мире. В нем отложилось более 7 миллионов единиц хранения, из которых 6,5 миллиона – документы по истории Российской империи. В данном архиве авторы работали с фондом 821, опись 8, дело №602 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. III. Магометане. 1. В России. 1) Органы управления духовными делами. Дело об управлении духовными делами» с 1862 по 1911 г.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) авторами были обнаружены 2 фонда: фонд 78 «Временный совет по управлению Внутренней киргизской ордой, Ханская ставка, Нарын пески, Астраханская губерния» с 1818 г. по 1918 г., и фонд 338 «Омское областное правление (город Омск)», крайние даты – 1821–1839 гг.

Вторую группу источников в данной работе представляют сборники опубликованных документов. Среди них мы можем назвать: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ. 2. Т. 3), а также Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) (Материалы..., 1960: 225). Сборник включает документы, отражающие историю политического устройства Казахстана с момента его вхождения в состав России до Октябрьской революции. Материалы отобраны из государственных исторических архивов Казахской и Узбекской ССР, а также из архивов Москвы и Омской области. Первый том сборника содержит документы, освещающие процесс присоединения Казахстана к России и основные принципы государственного управления казахским народом.

В качестве эмпирической базы использованы указы и отчёты губернаторов Тургайской и Уральской областей, переписка с Оренбургским магометанским духовным собранием, официальные документы, журналы и донесения государственных чиновников, регулирующих религиозную сферу в Казахской степи. Анализ этих источников позволил реконструировать основные механизмы управления исламскими институтами и выявить ключевые тенденции в политике Российской империи.

Методологическая основа исследования включает **историко-сравнительный анализ**, который позволяет выявить специфику конфессиональной политики Российской империи в сравнении с другими регионами, такими как Поволжье, Кавказ, Крым и Средняя Азия. Данный метод обеспечил возможность изучения сходств и различий в управлении мусульманскими общинами, а также оценки динамики трансформации религиозных институтов под влиянием колониального администрирования.

В работе применяются **статистические методы**, направленные на количественный анализ исламских институтов в Казахской степи. В исследование включены сведения о численности мусульманских общин, количестве мечетей и мулл, а также их географическом распределении. Анализ этих данных позволил определить уровни концентрации религиозных центров и степень влияния имперской религиозной политики на исламские структуры.

Значительное внимание уделено **историографическому анализу**, что позволило выявить основные направления научных дискуссий по теме конфессиональной политики Российской империи. В работе рассматриваются исследования, посвящённые взаимодействию государства и религиозных институтов, вопросам регулирования мусульманских общин и особенностям религиозного управления на национальных окраинах империи.

Применение междисциплинарного подхода, включающего элементы социальной, политической и религиозной истории, обеспечило комплексный характер исследования. Использование документальных источников, количественных данных и научных концепций позволило всесторонне рассмотреть религиозную политику Российской империи в Казахской степи и её долгосрочные последствия для традиционных структур казахского общества.

3. Обсуждение

Н.М. Ядринцев в своём исследовании «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» отмечал, что будущее нерусских народов связано не с религиозной ассимиляцией, а с интеллектуальным развитием, сохранением их языковой и культурной самобытности, а также с обеспечением их равноправного положения в составе Российской империи (Ядринцев, 1891: 281).

Работа Н.М. Чернявского «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем» акцентирует внимание на значении мусульманского духовенства в политической системе Казахской степи. Чернявский отмечает, что в XVIII–XIX вв. ислам не только выполнял религиозные функции, но и играл важную роль в управлении регионами. Российские власти использовали исламское духовенство для укрепления своего влияния, однако оно сохраняло определённую степень независимости, что нередко приводило к расхождению интересов государства и религиозных лидеров (Чернявский, 1903: 293).

М.А. Миропиев в своей работе «О положении русских инородцев» написал, что ислам является препятствием для интеграции казахского общества в имперскую правовую систему, и выступал за постепенную христианизацию мусульманского населения через систему просвещения, основанную на русской православной культуре (Миропиев, 1901: 122). В противоположность данной позиции,

А.Е. Крымский в очерке по востоковедению «История мусульманства» утверждал, что политика государства в отношении мусульманских народов должна основываться на принципах веротерпимости, способствующих эффективному взаимодействию различных конфессий в рамках единой административной системы (Крымский, 1904–1912: 340).

Важным направлением конфессиональной политики Российской империи было регулирование хаджа. Согласно труду И. Голошубина «Справочная книга Омской епархии», российские власти стремились ограничить влияние зарубежных исламских центров на казахское население, опасаясь распространения панисламистских идей. В связи с этим вводились ограничения на совершение хаджа, однако паломничество оставалось важным элементом религиозной жизни мусульманского населения (Голошубин, 1914: 865).

Проблема распространения панисламизма и пантюркизма также рассматривалась российской администрацией как угроза стабильности в регионе. По мнению Г. Галояна, начиная с XIX в. российские власти усилили меры по борьбе с панисламизмом, опасаясь, что исламская пропаганда, распространяемая через хадж и религиозные учебные заведения, может способствовать росту антиимперских настроений (Галоян, 1976: 343).

В своём исследовании «Национальный и колониальный вопросы в царской России» Е. Дабкина рассматривает взаимодействие государственных и религиозных институтов в Казахской степи. Она приходит к выводу, что в отличие от других регионов империи, в казахском обществе ислам не имел доминирующего влияния в политической жизни, однако его институты активно использовались государством для управления и поддержания стабильности. Одним из элементов этой политики был контроль за назначением мулл и ограничение деятельности духовенства, ориентированного на радикальные формы исламского богословия (Дабкина, 1930: 110).

В исследовании Л.И. Шерстовой «Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках» представлена динамика изменения отношения российских властей к исламу в Казахской степи. На ранних этапах колонизации политика империи заключалась в минимальном вмешательстве в религиозную сферу, что позволило избежать открытой конфронтации с местным населением (Шерстова, 1999: 268).

Х. Габидуллин и А. Аршаруни в своём труде «Очерки панисламизма и пантюркизма в России» отмечают, что конфессиональная политика Российской империи сочетала элементы репрессивных и интеграционных мер. С одной стороны, власти стремились ограничить влияние мусульманского духовенства, с другой – использовали религиозные институты для контроля за населением и легитимизации своей власти (Аршаруни, Габидуллин, 2002: 94).

Вопрос о религиозной политике Российской империи в Казахской степи является предметом научной дискуссии. Согласно Ю.А. Лысенко, в 1860-х гг. М.Н. Катковым была сформулирована концепция доминирования титульной нации в этносоциальной структуре империи. Данная концепция предусматривала предоставление нерусским народам права на сохранение языка, религии и культурных традиций, при условии, что они не представляли угрозы территориальной целостности государства (Лысенко, 2014: 5).

В дореволюционной историографии казахи рассматривались как часть мусульманского и тюркского мира, а колонизация Казахской степи интерпретировалась в контексте управления «инородцами» (Лысенко, 2014: 6).

Исследование А.Ю. Конева «Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи» показывает, что российская администрация использовала ислам как инструмент контроля над местным населением, формально признавая его, но одновременно стремясь регулировать его развитие в интересах государства. Власти придерживались стратегии невмешательства в религиозную жизнь казахов до тех пор, пока ислам оставался под государственным контролем и не представлял угрозы имперским интересам (Конев, 2019: 109).

Особую точку зрения на религиозную политику империи высказывал Ч.Ч. Валиханов, который выступал против насильственного обращения казахов в христианство. Он полагал, что государственная национальная политика должна базироваться на светских принципах и не использовать религию в качестве инструмента колониального управления (Кэмпбелл, 2022: 91).

Изучение конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи позволяет выделить несколько ключевых аспектов. Российская администрация не стремилась к насильственной христианизации казахов, но при этом осуществляла контроль над религиозными институтами, стремясь направлять их развитие в своих интересах. Ограничения на хадж и другие формы взаимодействия казахов с мусульманским миром свидетельствуют о желании российской власти минимизировать влияние внешних исламских центров. Политика в отношении религии не была однородной: на разных этапах она варьировалась от веротерпимости к усилению государственного регулирования.

В целом, анализ источников и историографических подходов позволяет заключить, что конфессиональная политика Российской империи в Казахской степи представляла собой сложный и многослойный процесс, направленный как на контроль, так и на использование религиозных институтов в интересах имперского управления.

4. Результаты

Ислам к моменту включения казахских земель в состав Российской империи уже был важным элементом социальной структуры, однако его институциональная организация значительно отличалась от оседлых мусульманских государств. Российская администрация изначально не рассматривала ислам как непосредственную угрозу, что определило умеренный характер конфессиональной политики на начальном этапе инкорпорации (Абдрахманов, 2019: 59).

По мнению Ю.А. Лысенко, перед присоединением к России казахское общество в религиозном аспекте рассматривалось правящими кругами империи как исламское. Среднеазиатский и Южно-сибирский центры ислама оказали значительное влияние на закрепление ислама в регионе Казахской степи в средневековый период. Татары из Тоболо-Иртышской, Барабинской и Томской областей, а также татары и башкиры из Волго-Уральского региона, представляющие «Южно-Сибирский» ислам, оказывали воздействие на казахские общества Младшего и Среднего жузов. Южно-Сибирский ислам развивался, интегрируя местные архаические религиозные традиции, которые со временем эволюционировали в кочевую цивилизацию южных регионов, сливаясь с суннитским исламом Средней Азии, что привело к формированию симбиоза ислама с язычеством (Лысенко, 2014: 206).

Юг Казахской степи оказался под влиянием эмирата Бухары, Хивинского и Кокандского ханств, которые представляли собой среднеазиатские исламские центры и являлись образцом государственности исламского центральноазиатского типа, основанного на принципах шариата (Отепова, 2015: 233).

Ислам в Казахской степи развивался в специфических условиях, отличных от Поволжья, Кавказа или Средней Азии. В отличие от регионов с развитой исламской судебной системой, в степи религиозные нормы сосуществовали с традиционным правом адата, что ослабляло влияние духовенства на светские вопросы управления. Это объясняет сравнительно низкую степень вовлеченности казахского духовенства в политические процессы по сравнению с мусульманскими элитами других регионов Российской империи.

К началу XVIII в. в Казахской степи сформировался собственный вариант регионального ислама, который характеризовался симбиозом языческих и исламских культур. В отличие от среднеазиатских государств, которые придерживались политической системы халифата и имели свои институты биев, казахское общество функционировало на основе обычного права – адата (Сартори, Шаблей, 2019: 13).

С момента присоединения Младшего жуза в 30-е гг. XVIII в. Российская империя относил казахам к исламскому миру. После присяги кочевой элиты Младшего и Среднего жузов начался период формально-правового сюзеренитета Российской империи, при этом отношения между казахами и империей были скорее союзническими, чем вассальными. С середины XVIII в. начали формироваться попытки создания системы управления казахами на общеимперском и региональном уровнях, что стало периодом государственно-политического вассалитета (Кэмпбелл, 2022: 133). До 70-х гг. XVIII в. империя не проявляла особого интереса к внутренним социальным вопросам казахского общества, включая религию (Моисеев, 1991: 186). 20 сентября 1788 г. указом Великой царицы Екатерины II учреждён орган управления делами мусульман – Оренбургское мусульманское духовное собрание, которое призвано было курировать все возникающие вопросы, связанные с исламом и мусульманством. Создание Оренбургского магометанского духовного собрания стало важным этапом включения исламских институтов в правовую систему империи. Этот орган позволил централизовать контроль за мусульманским духовенством и религиозными практиками, а также способствовал назначению лояльных мулл, чья деятельность находилась под надзором государства.

Введение метрических книг при мечетях способствовало усилению административного контроля, позволив российским властям систематизировать учёт населения.

Указ царицы выражал официальное признание империей ислама как дозволенной религии, но строго контролируемой государством. Указ положил начало бюрократизации и структуризации мусульманского духовенства по образцу с чёткой иерархичностью на примере православной церкви, как проправительственного органа (Садвакасова, 2005: 147).

Из отчёта Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского за 1887–1888 гг. отмечена среда, которая непременно примет учение Христово. Это бедняки, живущие заработками на местных заводах и рудниках, а главным образом – наймом на земледельческие работы у казаков. Почти все эти киргизы говорят по-русски, научились обработке полей и огородов (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 436. Л. 250б., 26).

В 1773 г. провозглашено стремление к политике веротерпимости по отношению к исламу и мусульманам. Для обеспечения лояльности тюркско-мусульманских народов к имперской власти и привлечения их к государственным делам был принят курс на огосударствление ислама (Лысенко, 2014: 209).

Г.Е. Отепова считает, что в начальный период присоединения Казахской степи царское правительство действовало очень осторожно, маскируя свои истинные цели под благие намерения (Отепова, 2015: 156). В 1785 г. издан указ о веротерпимости. Это был первый законодательный акт,

регламентировавший «духовные дела» мусульман на территории империи. 4 сентября 1785 г. указом Екатерины II генерал-губернатор Оренбургского края, барон О.А. Игельстром стал проводником правительственного курса по исламизации казахского общества, строительству в Казахской степи мечетей вместимостью 500 человек, организации работы татарских мулл (*Материалы...*, 1960: 231).

В ходе реализации реформы, согласно Ю.А. Лысенко, в приграничной полосе между кочевьями казахов и Южно-сибирскими окраинами империи было построено 4 мечети (*Лысенко, 2010: 112*).

Введение имперских стандартов привело к постепенному сокращению числа традиционных медресе, что способствовало увеличению доли учащихся, получавших светское образование в русско-казахских школах. Однако это не привело к ослаблению религиозного самосознания, а, напротив, в начале XX в. вызвало интерес к реформированию исламского образования среди казахской интеллигенции (*Сартори, Шаблей, 2019: 39*).

Согласно данным Г. Султангалиевой, в период конца XVIII – XIX в. Казахских кочевьях не было построено ни одной мечети (*Султангалиева, 2000: 24*). По предложению М. Сперанского в 1810 г. учреждено главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в последующем – Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Тем самым мусульманское духовенство находилось под строгим контролем царских властей. Имамы, кроме богослужения, должны были вести метрические книги, в которых отражалось количество, передвижения и прочие вопросы, связанные с исламскими прихожанами. И по истечении года должны отчитаться вышестоящему духовенству (*ИАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 613*). Муллы, оставляя копии книг, присылали сами книги в духовное собрание для справок. В книги заносились данные не только о рождении и смерти, но и о заключаемых и расторгаемых браках между магометанами. Имамы пишут метрические книги на татарском языке, если не знают русского (*ПСЗ РИ. 2. Т. 3. № 2298: 837-840*).

Колониальная политика царского правительства проявлялась в попытках интегрировать образовательные процессы в русло государственной политики. Назначение указных мулл, поддержка школ при мечетях и контроль над образовательной деятельностью были частью усилий по русификации и контролю над казахским обществом через религию и образование. Однако существование неформальных институтов образования свидетельствует о том, что часть казахского общества сопротивлялась полной интеграции в русскую образовательную и религиозную системы (*Лысенко, 2014: 210*).

В середине XIX в. в Акмолинском округе наблюдалось активное взаимодействие религиозной и образовательной сфер, находящихся под контролем царского правительства. Согласно ведомости за 23 августа 1865 г. в Акмолинском округе действовало несколько официально зарегистрированных мечетей, при некоторых из которых функционировали школы. В городе Акмола расположена соборная мечеть, при которой функционирует школа. Заведующим является указной мулла Исхак Юсупов, а преподавателем в школе работает мулла Карабек Байбеков, являющийся киргизом. Мечеть и школа, принадлежащие советнику областного правления сотнику Ногарбеку Коченеву, также находятся в ведении указного муллы Ходжаахмеда Хамзина. В Киреевской волости, на территории Барака Курмана, мечеть имеется, но школа при ней отсутствует. Ответственным за управление назначен татарин Гайнатдин Фахритдинов. В Тюлек-Киреевской волости, на территории бия Мусы Кудосова, функционирует школа, управление которой осуществляется указным муллой Аюпом Исмаиловым. В той же волости, на землях бия Сагыная Исова, также имеется школа, которой заведует татарин Хамидулла Абубакутов. Однако в других волостях указные муллы существуют, но из-за отсутствия мечетей не выполняют функций по их управлению (*РГВИА. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 12. Л. 243-244*).

Вопросы, касающиеся религии, находились под постоянным контролем и наблюдением царской администрации. Проводя политику религиозной толерантности, царское правительство также проводило политику обращения в христианство нерусского населения, последующей его русификации и ассимиляции. Из донесения Ф.А. Панова генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю от 20 августа 1864 г. известно о том, что обращение в христианство в черте десяти вёрст от линии расстояния будет иметь успех при предоставлении им поземельных и других льгот, а также денежной помощи новокрещённым (*ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5668. Л. 5-6*).

Ремнев А. считал, что посредством распространения ислама казахское общество постепенно будет подготовлено к обращению в православие (*Ремнев, 2006: 5*).

С начала XIX в. наблюдается тенденция к усилению государственного регулирования религиозной жизни казахов. Одним из основных направлений стало ограничение контактов местного мусульманского населения с внешними исламскими центрами (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 561. Л. 25-400б.*).

Введение административных барьеров для совершения хаджа, контроль над образованием мулл и цензура религиозной литературы были вызваны опасениями распространения панисламистских и пантюркистских идей, которые могли способствовать усилению автономистских настроений (*ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3155. Св. 204. Л. 5-7*).

В первой половине XIX в. российское руководство сохраняло политику толерантности в отношении исламских институтов в пределах империи. Оно признавало и уважало ислам как одну из основных религий в стране и не вмешивалось в его практику и организацию. Однако в то же время

началось внедрение концепции «централизованного управления конфессиями в империи», что означало следующее: государство начало принимать более активную роль в регулировании религиозных вопросов (Сартори, Шаблей, 2019: 106).

В течение первой половины XIX в. управление религиозными делами казахов-мусульман находилось под юрисдикцией Оренбургского мусульманского духовного собрания, которое играло ключевую роль в регулировании вопросов, связанных с исламом среди казахского населения. Государство, в свою очередь, демонстрировало либеральный подход и веротерпимость в отношении их религиозных практик и обычаев, что способствовало поддержанию стабильности и гармонии в регионе (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 100-101).

Несмотря на значительный опыт Русской православной церкви в проведении миссионерской деятельности среди различных этнических и религиозных групп в пределах империи, тема создания православных миссионерских учреждений в Казахской степи не поднималась. К тому моменту церковь уже накопила значительный опыт и обширные знания в области религиозной пропаганды среди местных этнических групп, часто называемых инородцами, что могло бы облегчить процесс обращения казахов в православие (Матханова, 2011: 75).

Введение имперских стандартов привело к постепенному сокращению числа традиционных медресе, что способствовало увеличению доли учащихся, получивших светское образование в русско-казахских школах. Однако это не привело к ослаблению религиозного самосознания, а, напротив, в начале XX в. вызвало интерес к реформированию исламского образования среди казахской интеллигенции.

Более того, процесс обращения казахов в христианство был не только не поощряем, но и сознательно сдерживался. Это сдерживание сопровождалось введением различных бюрократических преград, что делало переход в христианство сложным и маловероятным для казахского населения. Такие меры могли быть частью государственной политики, направленной на поддержание религиозного и культурного статус-кво, избежание конфессиональных конфликтов и сохранение стабильности в многонациональной империи (Лысенко, 2010: 98).

Ю.А. Лысенко считает, что сближение в социокультурном плане русских и казахских народов в приграничной зоне являлось экономическим фактором, массовое разорение кочевников-казахов способствовало принятию некоторой частью кочевников православия, связанное с передачей земель в пользование Сибирскому и Уральскому казачьим войскам (Лысенко, 2014: 212). В Полном собрании законов Российской империи содержались данные о причислении казахов в различные российские сословия при условии принятия ими христианской веры. Местные начальства должны были предоставлять этим обществам всевозможные пособия (ПСЗ РИ. 1. Т. 30. № 23040: 1828, 276).

Казахи вынуждены были искать новые формы существования, в результате чего многие стали устраиваться на работу к казакам, а иногда даже отправляли своих детей на воспитание и работу в их хозяйства. Согласно действующему законодательству, по достижении восемнадцатилетнего возраста казахи, принявшие крещение, могли записываться в казачье сословие, обеспечивая себе таким образом стабильный источник дохода (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 736. Л.1-62).

Государство продолжало поддерживать веротерпимость и толерантность к исламу, но ужесточило контроль за деятельностью исламских институтов и священнослужителей (ЦГА РК. Ф. 25. Оп.1. Д. 736. Л. 10).

В январе 1908 г. жители Актюбинска подали заявку губернатору Тургайской области И.М. Страховскому на официальное оформление мусульманской общественной организации. В феврале 1909 г. Тургайское областное правление подтвердило, что устав соответствует всем необходимым требованиям, что привело к регистрации мусульманского просветительно-благотворительного общества в Актюбинске (ЦГА РК. Ф. 44. Оп 1. Д. 2495. Л. 8-120б.).

Через несколько месяцев после начала деятельности, на основе результатов проведенного дознания, губернатор И.М. Страховский рекомендовал Тургайскому областному присутствию ликвидировать общество. Расследование выявило, что организация отступила от законных рамок и уставных обязательств. В конце мая 1910 г. оно было закрыто (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а. Л. 20-200б.). За последующие годы, до начала Первой мировой войны, лидеры общества дважды пытались получить регистрацию, но сталкивались с отказами по формальным основаниям: несоответствие устава законам и недостаточное число учредителей. В итоге, просветительно-благотворительное общество мусульман в Актюбинске так и не получило официального статуса. Аналогично, мусульманское общество в Копале неоднократно обращалось за регистрацией в 1909–1911 гг., но без успеха (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а. Л. 42).

Изменения в религиозной политике России в Казахстане вели к дебатам о возможности учреждения православной миссии. Этот вопрос широко обсуждался как в светских, так и в духовных кругах в 60-е гг. XIX в., но согласия достичь не удалось. К примеру, в 1864 г. митрополит Исидор Новгородский и Санкт-Петербургский выступал за активизацию миссионерской деятельности в регионе, в особенности для контраста растущему влиянию ислама среди казахских кочевников (Лысенко, 2010: 193).

Однако по мере укрепления власти начались попытки регулирования исламских институтов. В частности, в донесении военного губернатора Области сибирских казахов Ф.А. Панова генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю предлагалось стимулировать христианизацию киргизов посредством предоставления материальных привилегий, таких как земельные наделы и финансовая поддержка для новообращённых (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5668. Л. 5-6). Генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский поддерживал начало миссионерской работы в этом регионе. В своём отчёте за 1887–1888 гг. он указывал на то, что именно тогда было наиболее подходящее время для запуска миссионерских проектов в Казахской степи, учитывая модернизационные процессы, которые начались в 1860-х гг. и изменили традиционные уклады кочевого общества (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 436. Л. 250б., 26).

Равнодушие к религии у киргизов было обусловлено наличием собственного устного кодекса нравственных и бытовых правил, который регулировал все аспекты социальной и личной жизни, оказывая сильное влияние на общество и затрудняя проникновение исламских учений. По мере утраты традиционных общественных структур и их законного статуса, киргизы начали искать духовную поддержку в религии. Хотя законы позволяли киргизам выбирать мулл из собственного сообщества, значение этих законов оставалось в силе до тех пор, пока муллы не подверглись влиянию скрытых фанатических проповедников из числа татар (Андреев, 1998: 52).

В конце XIX в., благодаря инициативам Г.А. Колпаковского, была создана Киргизская православная миссия, направленная на борьбу с исламским влиянием среди казахов. Развитие этой миссии в Степном и Туркестанском краях подробно освещено в исследованиях и публикациях. Здесь стоит выделить ключевые моменты в истории этой деятельности (Гвоздев, 2019).

Миссионерам были предписаны конкретные задачи для успешного выполнения их ролей. Они не могли заниматься обязанностями приходских священников, их основной фокус должен быть направлен на миссионерскую деятельность (Лысенко, 2010: 49).

Вопросы создания мусульманских общественных организаций в крае решались в контексте охранительной политики государства (Халфин, 1965: 178).

Устный кодекс оказывал огромное влияние на киргизское общество, что делало сложным проникновение учения Магомета. Когда же традиционные общественные структуры потеряли законодательное подтверждение и постепенно исчезли из жизни, киргизы стали искать духовную поддержку в религии. При этом, как отмечает Сартори, «закон предусматривает равнодушие к религии у киргизов и позволяет им выбирать своих мулл из собственного сообщества» (Сартори, 2019: 52).

В итоге можно заключить, что Русской православной церкви не удалось полностью реализовать свой интеграционный потенциал в отношении казахского общества.

5. Заключение

Исследование показало, что конфессиональная политика Российской империи в Казахской степи была направлена не на насильственную ассимиляцию, а на административное подчинение исламских институтов. Ограничение внешних контактов, государственный контроль за духовенством и религиозным образованием не привели к ослаблению позиций ислама, а способствовали его адаптации к новым условиям. В начале XX в. ислам не только сохранил своё значение в обществе, но и стал важным элементом формирования национального самосознания.

Настоящее исследование подчёркивает необходимость дальнейшего изучения конфессиональной политики Российской империи в сравнительной перспективе, что позволит более полно оценить механизмы регулирования религиозных процессов в условиях многонационального государства.

6. Благодарности

Выражаем особую благодарность заведующей кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (Российская Федерация), доктору исторических наук, профессору Юлии Александровне Лысенко, и доктору исторических наук, профессору Павлодарского педагогического университета им. А. Маргулана (Республика Казахстан) Отеповой Гульфире Елубаевне за предоставленные уникальные данные, без которых выполнение данного исследования было бы значительно затруднено.

Литература

Абдрахманов, 2019 – Абдрахманов Б.Н. Казахстан в материалах Полного собрания законов Российской империи. Учебное пособие для студентов исторических специальностей. Павлодар, 2019. 155 с.

Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы, 2018. 561 с.

Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы. Гылым. 1998. 280 с.

Аршаруни, Габидуллин, 2002 – Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань, 2002. 190 с.

Галоян, 1976 – Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья: Очерки политической истории и взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976. 455 с.

Гвоздев, 2019 – Гвоздев С. Ислам и власть в степных регионах: взаимодействие и конфликты. М.: Наука, 2019.

Голошубин, 1914 – Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1250 с.

Драбкина, 1930 – Драбкина Е.Л. Национальный и колониальный вопросы в царской России. М., 1930. 189 с.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Конев, 1995 – Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи. М., 1995. 220 с.

Кэмпбелл, 2022 – Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи. СПб., 2022. 391 с.

Крымский, 1904–1912 – Крымский А. Е. История мусульманства. Самостоят. очерки, обработки и доп. пер. из Доли и Гольдциэра. 2-е изд., значит. изм. и доп. Ч. 1-3. Труды по востоковедению, изд. Лазаревским институтом восточных языков. М., 1904–1912. 390 с.

Лысенко, 2010 – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане: (вторая половина XIX – начало XX в.). Монография. Барнаул, 2010. 195 с.

Лысенко, 2014 – Лысенко Ю.А. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 272 с.

Материалы..., 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции): сборник / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1960. Том 1. 441 с.

Матханова, 2011 – Матханова Н.П. Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в VII-XX веках / Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2011. 252 с.

Моисеев, 1991 – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата, 1991. 238 с.

Мирописев, 1901 – Мирописев М.А. О положении русских инородцев. К вопросу о просвещении наших инородцев. // Русская школа. СПб., 1901. С. 121-136.

Отепова, 2021 – Отепова Г.Е. Колониальная политика Российской империи в отношении ислама в Казахской степи. Национальный исследовательский центр. Нур-Султан, 2021. 258 с.

Отепова, 2015 – Отепова Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи. Монография. Павлодар: ПГПИ, 2015. 258 с.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. 1828–1830 гг.; Собр. 2. 1830–1884 гг.; Собр.3. 1884-1916 гг. СПб.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ремнев, 2006 – Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. №4.

Садвакасова, 2005 – Садвакасова З.Т. Духовная экспансия в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX века – начало XX века). Казак университети. Алматы, 2005.

Сартори, Шаблей, 2019 – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи // Новое литературное обозрение. М., 2019. 280 с.

Султангалиева, 2000 – Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII-XIX вв.) // Вестник Евразии. М., 2000. №4. С. 20-36.

Халфин, 1965 – Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. 467 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Чернявский, 1903 – Чернявский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. СПб., 1903.

Шерстова, 1999 – Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в 17–19 веках. Томск, 1999.

Ядринцев, 1891 – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

References

Abdrakhmanov, 2019 – Abdrakhmanov, B.N. (2019). Kazakhstan v materialakh polnogo sobraniya zakonov rossiyskoy imperii. Uchebnoe posobie dlya studentov istoricheskikh spetsialnostey [Kazakhstan in the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. A textbook for students of historical specialties]. Pavlodar. 155 p. [in Russian]

Akimbekov, 2018 – Akimbekov, S. (2018). Kazakhstan v Rossiyskoy imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty. 561 p. [in Russian]

- Andreev, 1998** – *Andreev, I.G.* (1998). Opisaniye Sredney ordy Kirgiz-kaisakov [The description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty. Gylym. 280 p. [in Russian]
- Arsharuni, Gabidullin, 2002** – *Arsharuni, A., Gabidullin, Kh.* (2002). Ocherki panislamizma i pantyrkizma v Rossii [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Kazan. 190 p. [in Russian]
- Campbell, 2022** – *Campbell, Ya.* (2022). Znanie i okrainy imperii: kazakhskie posredniki i rossiyskoye upravlenie v stepi [Knowledge and the peripheries of the empire: Kazakh intermediaries and Russian governance in the steppe]. St. Petersburg. 391 p. [in Russian]
- Chernyavskiy, 1903** – *Chernyavskiy, N.M.* (1903). Orenburgskaya eparkhiya v proshlom ee i nastoyashchem [The Orenburg diocese in its past and present]. T. 2. SPb. [in Russian]
- Drabkina, 1930** – *Drabkina, E.L.* (1930). Natsionalny i kolonialny voprosy v tsarskoy Rossii [National and colonial issues in tsarist Russia]. Moskva. 189 p. [in Russian]
- Galoyan, 1976** – *Galoyan, G.A.* (1976). Rossiya i narody Zakavkazya: ocherki politicheskoy istorii i vzaimootnosheniy s drevneyshikh vremen do pobedy Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii [Russia and the people of Transcaucasia: essays on political history and relations from ancient times to the victory of the Great October Socialist Revolution]. Moskva. 455 p. [in Russian]
- Goloshubin, 1914** – *Goloshubin, I.* (1914). Spravochnaya kniga Omskoi eparkhii [Reference book of the Omsk diocese]. Omsk, 1250 p. [in Russian]
- Gvozdev, 2019** – *Gvozdev, S.* (2019). Islam i vlast v stepnykh regionakh: vzaimodeystvie i konflikty [Islam and power in the steppe regions: interaction and conflicts]. Moskva: Nauka. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti. [Historical Archive of the Omsk Region].
- Khalfin, 1965** – *Khalfin, N.A.* (1965). Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii [The annexation of Central Asia to Russia]. Moskva. 467 p. [in Russian]
- Konev, 1995** – *Konev, A.Yu.* (1995). Korennye narody Severo-Zapadnoy Sibiri v administrativnoy sisteme Rossiyskoy imperii [Indigenous peoples of Northwestern Siberia in the administrative system of the Russian Empire]. Moskva. 220 p. [in Russian]
- Krymskii, 1912** – *Krymskii, A.E.* (1912). Istoriya musulmanstva. Samostoyat. ocherki, obrabotki i dop. per. iz Dozi i Goldtsiyera [History of Islam. Independent essays, adaptations, and additional translations from Dozy and Goldziher]. Trudy po vostokovedeniyu, izd. Lazarevskim institutom vostochnykh yazykov. M., 1904–1912. 390 p. [in Russian]
- Lysenko, 2010** – *Lysenko, Yu.A.* (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. Barnaul. 195 p. [in Russian]
- Lysenko, 2014** – *Lysenko, Yu.A.* (2014). Traditsionnoe kazakhskoye obschestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (19th – early 20th centuries)]. Barnaul. 272 p. [in Russian]
- Masevich, 1960** – *Masevich, M.G.* (1960). Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktyabrskoy sots. revolyutsii) [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's annexation to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Vol. 1. Alma-Ata. 441 p. [in Russian]
- Matkhanova, 2011** – *Matkhanova, N.P.* (2011). Sotsialno-ekonomicheskie i etnokulturnye protsessy v Verhnem Priirtyshye v VII-XX vekakh [Socio-economic and ethno-cultural processes in the Upper Irtysh region in the VII-XX centuries]. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Novosibirsk, 252 p. [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev. K voprosu o prosveshchenii nashikh inorodtsev [On the position of Russian natives. On the issue of enlightening our natives]. Russkaya shkola. St. Petersburg, pp. 121-136. [in Russian]
- Moiseev, 1991** – *Moiseev, V.A.* (1991). Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi v XVII-XVIII v. [The Dzungar Khanate and Kazakhs in the 17th-18th centuries]. Alma-Ata. 238 p. [in Russian]
- Otepova, 2015** – *Otepova, G.E.* (2015). Istoriya Kazakhstana v zakonodatelnykh istochnikakh Rossiyskoy imperii. Monografiya [The history of Kazakhstan in the legislative sources of the Russian Empire. Monograph]. Pavlodar: PGPI. 258 p. [in Russian]
- Otepova, 2021** – *Otepova, G.E.* (2021). Kolonialnaya politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii islama v Kazakhskoy stepi [The colonial policy of the Russian Empire towards Islam in the Kazakh steppe]. Nur-Sultan: Natsionalny issledovatel'skiy tsentr. 258 p. [in Russian]
- PSZ RI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb: Sobranie 1 – 1828–1830; Sobranie 2 – 1830–1884; Sobranie 3 – 1884–1916. RNB. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- Remnev, 2006** – *Remnev, A.* (2006). Tatary v kazakhskoy stepi: soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii [Tatars in the Kazakh steppe: Companions and rivals of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii*. 4. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archives].

[Sadvakasova, 2005](#) – *Sadvakasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX veka – nachalo XX veka) [Spiritual expansion in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. Almaty: Kazakh universiteti. [in Russian]

[Sartori, Shabley, 2019](#) – *Sartori P., Shabley P.* (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi [Empire's experiments: adat, sharia, and the production of knowledge in the Kazakh steppe]. Novoe literaturnoe obozrenie. Moskva. 280 p. [in Russian]

[Sherstova, 1999](#) – *Sherstova, L.I.* (1999). Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoy Sibiri v 17–19 vekakh [Ethnopolitical history of the Turks of Southern Siberia in the 17th–19th centuries]. Tomsk. [in Russian]

[Sultangaliyeva, 2000](#) – *Sultangaliyeva, G.* (2000). Tatarskaya diaspora i konfessionalnye svyazi kazakhskoy stepi XVIII–XIX vv. [The Tatar diaspora and konfessional ties of the Kazakh steppe in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Evrazii*. 4: 20–36. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv [Central State Archive]. Almaty.

[Yadrintsev, 1891](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie [The Siberian natives, their life and contemporary situation]. SPb. [in Russian]

К вопросу о религиозной политике Российской империи и его влиянии на казахское общество

Арман А. Умаров ^{а, *}, Бауржан Н. Абдрахманов ^а, Анара Е. Каримова ^а, Зият Ш. Айткенов ^а

^а Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи на рубеже XVIII–XIX вв., являвшейся важным инструментом интеграции местного населения в общеимперское пространство. В статье рассматриваются основные направления религиозной политики империи, включая меры по контролю над исламскими институтами, бюрократизацию мусульманского духовенства, ограничение хаджа и регулирование религиозного образования. Особое внимание уделяется взаимодействию российской администрации с татарским духовенством, которое играло значительную роль в формировании религиозных традиций казахов, а также оценке восприятия имперской религиозной политики в казахском обществе.

Исследование базируется на широком круге источников, включая архивные документы, указы, отчёты губернаторов, переписку с Оренбургским магометанским духовным собранием, а также труды отечественных и зарубежных исследователей. Методологическая основа работы опирается на историко-сравнительный анализ, позволяющий выявить специфику конфессиональной политики в Казахской степи в сравнении с другими мусульманскими регионами империи.

Результаты исследования демонстрируют, что политика Российской империи в отношении ислама носила двойственный характер. С одной стороны, сохранялся высокий уровень религиозной автономии, с другой – предпринимались целенаправленные шаги по регулированию исламских институтов и их интеграции в административную систему империи. В работе представлены выводы о долгосрочном влиянии этих процессов на социально-религиозную структуру казахского общества, что способствует дальнейшему изучению имперской политики в отношении этноконфессиональных групп.

Ключевые слова: конфессиональная политика, миссионерство, ислам, казахи, миссионерская деятельность, Российская империя, Оренбургское магометанское духовное собрание, татарские муллы, мечети, хадж.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arman.umarorov77@mail.ru (А.А. Умаров), abdrahmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова), ziyat15@mail.ru (З.Ш. Айткенов)